

**НОВГОРОДСКИЙ ВЛАДЫКА ЛУКА:
АВТОРСКИЙ ПОРТРЕТ ПИСАТЕЛЯ-ПРОПОВЕДНИКА***И. В. Дергачева*

Статья подготовлена по проекту РГНФ № 12-04-00151а
«Наследие новгородского епископа Луки: тексты, комментарии, исследования»

Своеобразным итогом современного осмысления роли Древней Руси в системе мирового культурного процесса стала работа: *Художественно-эстетическая культура Древней Руси XI–XVII века / отв. ред. В. В. Бычков. М.: Ладомир, 1998.* Первый русский епископ Лука Жидята написал своё «Поучение», вошедшее в золотой фонд русской литературы, на заре её зарождения. Из-за скудости документальной базы и гипотетичности многих реконструкций в понимании начального этапа истории Русского государства в целом и русской церкви в частности, мы не можем считать, что о его жизни и творчестве имеются исчерпывающие сведения¹. Если говорить о древних источниках, то сведения о нём содержатся в Новгородской IV летописи и некоторых других летописях. А. Шахматов полагал, что в свод 1448 г. сведения попали из древнейшего Новгородского свода, к которому мог быть причастен епископ Лука. В Новгородской IV летописи по списку Дубровского и в Новгородской II летописи имеется «Сказание о церкви Св. Софии», а в Никоновской летописи указаны имена «другов» доносчика Дудики — Демьян и Козьма.

Какие же биографические данные о Луке Жидяте дошли через века до нашего времени? Известно, что Лука, первый русский епископ в Новгороде, святитель, умер около 1059 г. Его мощи находятся в Софийском соборе в Мартириевой паперти. Память его — 17 ноября, в Соборах Новгородских святителей и Новгородских святых. Лука принадлежал к знатному новгородскому роду. Он получил прекрасное образование в школе своего предшественника на Новгородской кафедре — грека, святителя Иоакима Корсунянина.

Жизнь и деятельность Луки принадлежит времени, которое называют золотой эпохой Ярослава. Это — время расцвета Руси, формирования её государственности и развития культуры, в том числе зарождения и быстрого развития отечественной литературы вплоть до создания на самом её раннем этапе истинных шедевров; все эти процессы проходили на основе сравнительно недавно принятого христианства. В 1036 г., после неожиданной гибели Мстислава на охоте, Ярослав становится полновластным хозяином Русской земли. В том же году или годом позже, несмотря на преобладавшее влияние греческого духовенства в русской церкви, князь Ярослав избрал русского Луку преемником Иоакима².

Епископ Лука заботился о книжном просвещении новгородцев, поддерживал устроенную Ярославом в 1030 г. школу. Существует мнение, что он, как знаток

греческого языка, переводил на славянский язык церковные книги. Епископ Лука любил церковное благолепие и много радел о строении божьих храмов. 14 сентября 1050 г. епископ Лука освятил воздвигнутый при нём новый каменный Новгородский Софийский храм. В «Сказании о церкви Св. Софии» повествуется: святитель Лука увидел, что образ Христа в строящемся Софийском соборе написан не с благословляющей рукой, а со «сжатою». Образ трижды переписывали, пока глас с неба не возвестил, что, если рука «распространится», тогда «будет граду скончание»³.

На эти же годы епископства Луки приходится создание Остромирова Евангелия — старейшей русской датированной книги. Оно было написано в 1056–1057 гг. в Великом Новгороде диаконом Григорием по заказу новгородского посадника Остромира, как свидетельствует об этом сделанная самим диаконом Григорием запись в конце книги. Остромир был родственником великого киевского князя Изяслава Ярославича. В настоящее время Остромирово Евангелие находится в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге.

В 1047 г. Упырем Лихим была создана книга «Толковых пророчеств»⁴.

В 1055 г., оклеветанный своим холопом Дудиком, епископ Лука вызван в Киев и осуждён митрополитом в заточение, где пробыл три года. В 1059 г. он был оправдан и отпущен к своей пастве, но не доехал до Новгорода. Скончался он 15 октября 1059 г. Тело его было привезено обратно в Новгород и погребено за Софийским собором. 22 марта 1558 г. обретены его нетленные мощи, перенесены архиепископом Пименом в Софийский собор и положены в Мартириевой паперти. Тогда же святитель Лука и был причислен к лику святых.

Поскольку Лука был первым писателем, имя которого дошло до потомков, особый интерес вызывает его прозвище. Исходя из него, некоторые исследователи заключали, что он был выкрестом⁵. Некоторые же считали, что его имя Жидята является производным от имени Георгий (Гюргий — Гюрята — Жидята) либо от имени Жидослав⁶. Представляется, что ближе к истине точка зрения В. В. Милькова, связывающего прозвище епископа Луки с его глубоким знанием ветхозаветных текстов: «Прозвища на Руси увязывались не столько с именем, сколько с яркими чертами характера, поведения или исключительными качествами личности. Учитывая книжные занятия святителя, нельзя исключать, что прозвище отражало склонность первого русского писателя к чтению ветхозаветных текстов, подобную той, что проявлял Никита Затворник, который “вся книги жидовския добре сведяше” (Древнерусские патерики. М., 1999. С. 37)»⁷.

Епископ Лука — первый по времени русский проповедник, живший в XI в. и представлявший собой замечательный образец пастыря. Это — «самородный тип русского пастыря»⁸, боровшийся с византийским влиянием и действовавший в духе русского просвещения. В его слове, отличающемся изумительной простотой, «бьёт ключом жизнь». Однако прежде, чем разбирать непосредственно содержание «Поучения», вспомним, в какое время оно было создано. Представляется разумным разделить мнение учёных, которые склоняются к выводу, что «Поучение» в виде проповеди было прочитано Лукою при поставлении его на Новгородскую кафедру в 1036 г. или 1037 г.

При каких же условиях читалась проповедь? Каких религиозно-философских взглядов придерживались новообращённые христиане в 1036 г. и какие проблемы стояли перед проповедником, желающим катехизировать людей, не изживших языческие предрассудки за столь короткий промежуток времени, проследовавший со времени крещения Руси?

Анализ развития представлений древнерусского человека, прежде всего, книжника, о загробном мире, душе и её спасении на ранних этапах развития русской литературы, философии и культуры показывает, что путь был нелёгким: в короткий срок человеку Древней Руси пришлось преодолеть пропасть между невежеством и высокой образованностью, между племенным язычеством и христианской цивилизацией, между мифом и историей. Вероятно, «чудесным», но трудным и противоречивым образом, через исторические катаклизмы и их осмысление, над пропастью был возведён «мост» культурного диалога и взаимопонимания: Русь обрела письменность, а вместе с ней и все высочайшие достижения философской и религиозной мысли христианства. В концептах христианства можно было описать и объяснить мир, рассказать о жизни и смерти, о душе и теле, о добре и зле — описать весь круг человеческой жизни и даже более — наметить посмертную судьбу. Ожидание смерти подстёгивало к интенсивности земной жизни, к «подвигам» и испытаниям своей плоти. Страх перед посмертными муками порождал стремление к «исправлению» и искуплению грехов при жизни через активную добродетельность и раскаяние. Так складывалось учение о возможном бессмертии души. Гибель мира или его спасение напрямую зависели от качества взаимоотношений внутри человеческого сообщества. Через осмысление этих аспектов бытия формировалась особая культура средневековой Руси.

Особый смысл виделся в жизни и поступках людей, облечённых властью. Древнерусские книжники на протяжении многих веков спорили о природе царской власти, о её соотношении с божественной волей, её ответственности и особой роли в спасении народа от «гнева Божьего». Как должен жить князь, чтобы царство его не было разрушено, а его народ счастлив на земле и в будущей жизни? Эта тема уже с раннего периода образования древнерусской народности, с самого начала национальной и личностной самоидентификации становится стержнеобразующей для всей русской культуры и впоследствии увлекает за собой историю, живопись, архитектуру и литературу⁹.

Древнерусский книжник, следуя общехристианской традиции в трактовке жизни и смерти, пристально вглядывался при этом в «земное»: летописцев и агиографов более увлекал сам путь к бессмертию, чем его образы. «Иной» мир приобрёл окраску не мира загробного, но мира нравственного, «земного рая», творимого самим человеком и его деяниями: через аскезу, через добрые дела, через «непротивление», через любовь... К смерти следовало готовиться, чтобы не оказаться в «ином» мире отягощёнными земными грехами и преступлениями. Поэтому древнерусская литература стала литературой нравственных исканий уже у самых своих истоков — «Слова о Законе и Благодати» Киевского митрополита Илариона, «Проповеди» Новгородского митрополита Луки Жидяты, «Повести временных лет»,

«Жития Феодосия Печерского», «Поучения» Владимира Мономаха. Поставленных в этих памятниках вопросов хватило на последующее целое тысячелетие русской культуры.

Епископ Лука начинает «Поучение» с тринитарного исповедания со ссылкой на Никейский символ веры, предполагая, что он известен слушателям: «Се братие. Первее всего сию заповедь известно должны есмы вси крестиане держати: веровати въ единъ Богъ, въ Троици славимъ, въ Отца и Сына и Святаго Духа, якоже научили Апостоли, святии отци оутвердиша. Верую въ единого Бога до конца». Затем следует краткое изложение эсхатологической концепции православия: «Веруйте же ми кресению и жизни вечней и моуце грешнымъ вечней». Затем сразу же — практические наставления относительно церковных богослужений и молитвы: «Не ленитесь къ церкви ходити, и на заутреню, и на обедню, и на вечернюю; и въ своеи клети, хотя спати, Богу поклонився, толико на постели лязи». Особенностью авторского стиля «Поучения» является чередование высоких, сакральных понятий православия с практическими советами, как приблизиться к самому Богу и быть им услышанным: «Въ церкви предстоите со страхомъ Божиимъ; не молви речи, но ни мысли, но моли Бога всею мыслью, да отдасть ти Богъ грехи». Это, безусловно, связано с необходимостью, осознанной епископом, катехизации едва обращённого в православие народа, не знающего, как на практике применять полученные знания. Поговорив о личной ночной молитве и о том, как надобно молиться в храме, проповедник подробно останавливается на милосердии и большую часть проповеди посвящает различным его проявлениям. Здесь в большей степени сказывается его личность и изобретательность. Его понимание милосердия больше, чем только милостыня или даже сострадание: «Любовь имейте со всяцемъ человекомъ, а боле з братиею, и не боуди ино на сердци, а ино въ пустехъ: но подъ братомъ амы не рой, да тебе Богъ въ горшая тои не вринеть. Но боуди правдивъ тако, яко не каеся правды дела и закона Божия и приложа глау, да почтеть тя Богъ съ святыми. Претерпитъ братъ братоу и всякому человеку, а не въздаите зла за зло». Апология любви к Богу и человеку закономерно оканчивается призывом: «Другъ друга похвали, да и Бог вы похвалить». И только после этих заповедей милосердия Лука переходит к теме страха: «Боуести не имейте, ни гордости, ни прилепяися инехъ творити, помня, яко оутро будемъ смрадь и гнои и червие». Далее следуют наставления святителя, основанные на десяти заповедях, которыми проповедник заканчивает своё Слово. Историками литературы отмечалось, что безыскусность стиля является типичной для северной, в особенности Новгородской Руси, в отличие от более изощрённого и риторического Юга. Несмотря на малый объём «Поучения», ему, как произведению первого из известных нам по имени писателей Древней Руси, посвящена большая научная литература. Текст Поучения был опубликован по одному списку из личного собрания П. П. Бекетова — так называемому Бекетовскому списку памятника XVI в., который к настоящему времени утрачен¹⁰. Позднее тот же список перепечатывался в новейшее время и брался за основу для переводов памятника¹¹. При издании текста памятника в составе новгородских летописей он воспроизводился

в упрощённой транслитерации¹². Четью версию по списку РНБ. Соф. № 1262. Л. 29 б (XIV–XV вв.) с упрощениями транслитерации напечатал Макарий в своей «Истории Русской церкви», а затем семь различных версий с разночтениями опубликовал С. Богославский¹³. Варианты к спискам воспроизводились по случайным рукописям, находившимся в поле зрения публикаторов.

В связи с чрезвычайной важностью «Поучения» как раннего литературного и исторического источника, проливающего свет на древний этап развития русской культуры, назрела потребность в издании полного научного издания «Поучения» с привлечением всех известных к настоящему времени списков. Публикация древнего и исправного текста с полным корпусом разночтений, с использованием ранее не привлекавшихся списков сделает его доступным для специалистов разных областей знания и будет способствовать задачам углублённого изучения древнейшего и интереснейшего памятника древнерусской книжности.

¹ См. библиографию о нём: *Творогов О. В.* Лука Жидята // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. XI – первая половина XIV в. Л.: Наука, 1987. С. 251–252. Из современных авторов о Луке Жидяте см.: *Мильков В. В.* Новгородский святитель Лука: характер деятельности и идейные аспекты творчества // *Новгородская земля в эпоху Ярослава Мудрого*. Великий Новгород, 2010. С. 198–238; *Он же.* Поучение Луки Жидяты — древнейшая русская проповедь // *Вестник славянских культур*. М., 2012. № 4 (XXVI). С. 73–82.

² Вероятно, Лука был поставлен на Новгородскую кафедру в 1036 или 1037 г.

³ Новгородские летописи. Новгородская вторая и Новгородская третья летописи. СПб.: Изд-е Археограф. комиссии, 1879. С. 181–182; ПСРЛ. Т. 43. С. 54; *Брюсова В. Г.* София Новгородская. Памятник искусства и истории. М.: Вече, 2001. С. 36.

⁴ См.: *Уханова Е. В.* У истоков славянской письменности. М.: Муравей, 1998. С. 120.

⁵ *Мальшевский И. И.* Русские известия о евреях в Киеве и Южной Руси в X–XII вв. // *Чтения в историческом обществе Нестора-летописца*. Киев: Тип. О. В. Кульженко, 1888. Кн. 2. С. 4952; *Шляткин И. А.* Лекции по истории русской литературы. СПб., 1910–1911. Ч. 1. С. 447.

⁶ См.: *Соболевский А. И.* Заметки о собственных именах: Жидяты // *Соболевский А. И.* Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СОРЯС. 1910. Т. 88. № 3. С. 255–256; *Подскальски Г.* Христианская и богословская литература в Киевской Руси (988–1237). СПб.: Византинороссика, 1996. С. 139.

⁷ *Мильков В. В.* Поучение Луки Жидяты — древнейшая русская проповедь. С. 73.

⁸ *Евсеев И. Е.* Поучение Луки Жидяты, архиепископа Новгородского // *Памятники древнерусской церковно-учительной литературы*: в 4 вып. / под ред. профессора А. И. Пономарева. СПб.: Тип. С. Добродеева, 1894–1898; 1894. Вып. 1. С. 13.

⁹ Своеобразным итогом современного осмысления роли Древней Руси в системе мирового культурного процесса стала работа: *Художественно-эстетическая культура Древней Руси XI–XVII века* / отв. ред. В. В. Бычков. М.: Ладомир, 1998.

¹⁰ *Тимковский Р. Ф.* Поучения архиепископа Луки к братии // *Русские достопамятности*, издаваемые ОИДР. М., 1815. Ч. 1. С. 3–16; *Евсеев И. Е.* Поучение Луки Жидяты, архиепископа новгородского. Указ. соч. С. 14–24; *Буслаев Ф. И.* Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М.: Университетская тип., 1861. Стб. 891–894; *Бугославский С.* Поучение еп. Луки Жидяты по рукописям XV–XVII вв. // *ИОРЯС Имп. АН СПб.*, 1913. Т. XVIII, кн. 2. С. 122–126.

¹¹ *Черторицкая Т. В.* Красноречие Древней Руси (XI–XVII вв.). М.: Сов. Россия, 1987. С. 39–40 — древнерусский текст по изданию С. Богославского, С. 40–42 — перевод; *Rose K.* Predigt der russisch-orthodoxen Kirche. Berlin, 1952. S. 119 f; Златоструй. М.: Молодая гвардия, 1990. С. 152.

¹² ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. IV, ч. 1. С. 118–120; ПЛСР. М.: Языки русской культуры, 2004. Т. XLIII. С. 55.

¹³ *Бугославский С.* Поучение еп. Луки Жидяты по рукописям XV–XVII вв. С. 226–233.